

УДК 316.1

УРОВНИ ШКОЛЬНОГО НАСИЛИЯ: ОЦЕНКИ УЧИТЕЛЕЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ ШКОЛ

© 2013 г.

Е.А. Шинкаренко, К.В. Степанова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

elena@shinkarenko.me, kvstepanova@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.09.2013

Включенность различных акторов в ситуацию школьного насилия является одним из самых важных аспектов изучения темы буллинга в школе. Уровни школьного насилия раскрыты в контент-анализе серии интервью с учителями и представителями администрации школ Нижнего Новгорода.

Ключевые слова: школа, насилие, учителя, ученики, родители.

В последнее десятилетие тема насилия в школе все больше привлекает внимание российских ученых [1]. Анализу подвергаются все уровни и формы взаимодействия учеников, учителей, представителей школьной администрации, родителей, – словом, всех акторов образовательного пространства школы. В качестве важнейшего посредника указывается социальный педагог, хотя мнение многих исследователей – на стороне внедрения социальной работы в школах [2]. Введение в субъектах РФ должности уполномоченного по правам ребенка представляет дополнительные возможности по профилактике и преодолению насилия в современной российской школе [3].

В период с октября 2012-го по март 2013 г. в рамках исследования «Школа: обыденность насилия (Анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)» была проведена серия полустандартизированных интервью с сотрудниками 21 нижегородской школы. В исследовании приняли участие представители как общеобразовательных школ, так и лицеев, школ с углубленным изучением отдельных предметов. В качестве интервьюируемых выступили директора школ (9 человек), учителя (11 человек), социальные педагоги (9 человек), психологи (7 человек), а также уполномоченные по правам ребенка г. Кирова и г. Нижнего Новгорода (2 человека). Всего было собрано 38 глубинных интервью. Для обработки полученных данных был применен метод контент-анализа с привлечением специализированного пакета Лекта. Словарь составил более 45 000 слов. Объем словаря для изучения интересующей нас проблемы составил 200 семанти-

ческих цепочек. В результате было получено 11 факторов.

Многие представители школ упоминали, что проблема насилия очень актуальна для современной школы. При этом практически все специалисты говорили, что «в нашей школе такого нет», подразумевая главным образом крайние формы физического насилия (деньги отбирали, на наркотики сажали). При этом в интервью звучали упоминания различных уровней насилия: ученик – ученик, ученик – учитель, родители – учителя, родители – ученики. Рассмотрим каждый уровень отдельно.

Если анализировать насилие на уровне «ученик – ученик», здесь, по словам педагогов, встречается как физическое (драки, стычки), так и психологическое насилие. Последнее может выражаться в нецензурных выражениях, игнорировании (группа учеников просто не общается с отдельными учениками), травле.

В интервью упоминались *гендерные аспекты ученического насилия*. Звучало мнение, что для мальчиков больше характерны физические формы. У девочек гораздо чаще встречается психологическое насилие: «Была история в этом году. Три девочки, две из них «делили» третью. Сначала она дружила с одной против старой подруги, потом они помирились и дружили против этой девочки, затем та дружила против другой старой подруги. И так они перетягивали ее» (директор общеобразовательной школы, женщина, стаж работы в должности 4 года). Встречаются и более жесткие формы, в основе которых лежит социальное расслоение: «Был случай в городе у нас, когда девочка из неблагополучной семьи создала возле себя группу девочек. Они стали в классе сначала гнобить,

унижать, оскорблять одну девочку из хорошей семьи. В один прекрасный момент ее поймали на улице. Родители подали заявление в милицию» (социальный педагог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 10 лет).

Некоторые специалисты обращают внимание на межнациональные моменты взаимодействия в учебных заведениях. В настоящее время во многих школах обучаются дети разных национальностей, что накладывает отпечаток на специфику воспитания, протекания конфликтов. Межнациональную среду, с одной стороны, можно использовать как меру профилактики насилия, как это было в СССР: «Мы воспитывали 15 республик, все люди братья. На уровне школы, когда мы были пионерами и комсомольцами, шла большая работа в этом направлении. Эти проблемы немножечко сглаживались. Была дружба народов. Насколько знаю, есть только одна школа, которая занимается проблемами национальностей. У них многонациональная школа, она располагается практически на Московском вокзале. Все близлежащие семьи ведут детей туда, в 52-ю школу. Там воспитательная система построена на содружестве всех национальностей» (социальный педагог школы с углубленным изучением отдельных предметов, женщина, стаж работы 19 лет). С другой стороны, многие национальные меньшинства демонстрируют клановость, обостряя тем самым непростые отношения.

В контексте анализа насилия уровня «ученик – ученик» необходимо обратиться к детальному анализу фактора, получившего название «Насилие в разных возрастных группах». Сотрудники образовательных учреждений затрудняются с оценкой того, в какой из возрастных категорий преобладает насилие. Различия здесь кроются в характере самих учащихся: «В начальной школе, как говорится, дети добродушные, веселые, послушные. Для них учитель – это мама. А вот уже постарше дети, – конечно, с ними гораздо сложнее. У них уже свои характеры, свои взгляды. И не всегда они совпадают с нашими. В начальной школе это проще, поскольку это сразу пресекается, то есть учитель находится с детьми постоянно, и он это все видит. Этого больше в старшей школе, когда они больше себе предоставлены» (учитель и социальный педагог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 20 лет). В этом контексте необходимо вести речь о специфике подросткового возраста:

– «Конечно, подростковый возраст, когда ярко проявляется агрессия. В младшем школьном возрасте это тоже есть, но там детишки

находятся под контролем классного руководителя, и в силу еще возрастных особенностей авторитет взрослого у них присутствует. В подростковом возрасте, когда авторитеты все под сомнением, более ярко может проявляться агрессия» (психолог школы с углубленным изучением отдельных предметов, мужчина, стаж работы в должности 4 года).

– «Я думаю, что скорее это среднее звено. Потому что здесь присутствует подростковый возраст. У ребят подросткового возраста часто бывают сложные взаимоотношения друг с другом, наверное, здесь больше эта проблема взвинчивается. И если в начальной школе это могут быть безобидные дразнилки, вербальная какая-то агрессия, ну, может быть, и физические... толчки, драки, то в подростковом возрасте это переходит уже в психологическое насилие, травлю, указание на какие-то недостатки физические, внешность, потому что для подростков внешность имеет очень большое значение. У них другие ценности, и другие черты они начинают высмеивать. Если дети высмеивают, может быть, ляпы на уроке, то подростки «бьют в самое сердце»» (заместитель директора по воспитательной работе школы с углубленным изучением отдельных предметов, женщина, стаж работы в должности 3 года).

– «Все подростки одинаковые. Более жестоко ведут себя дети младших классов, 5–6-е классы. Возможно, это связано с тем, что они не осознают последствий. Насилие на разных ступенях различается, в младших классах – драки, в старших – словесные оскорбления» (психолог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 8 лет).

Различия кроются не только в психологических особенностях учащихся, но и в мотивах и формах конфликтного поведения: «Другое дело, что там причины разные, потому что в начальной школе – это внешние причины (что-то кто-то не так сказал, не так одет), это даже у них как элемент игры какой-то. В средней школе их может быть меньше, но причины тут более глубокие. Они могут объединяться, чтобы унижить одного, групповое насилие распространено. В старшем звене насилие практически не наблюдается, дети уже взрослые, и голова занята другими проблемами. Более-менее устоявшиеся коллективы, другой уровень сознания, понимания, что такое жизнь и как надо в ней себя преподносить, не кулаками, а какими-то другими вещами» (социальный психолог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы в должности 2.5 года, педагогический стаж 15 лет). В старшем звене, по словам сотрудников школ,

возникают новые формы насилия, связанные с информационными технологиями: «Случай был, когда про мальчика (он с ограниченными возможностями здоровья) писали одноклассники в блогах, в социальных сетях какие-то неприятные вещи. Одноклассники через социальные сети всячески пытались его морально унижить, задавить» (заместитель директора по воспитательной работе общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 12 лет).

В продолжение анализа фактора, названного нами «Виды насилия», необходимо обратиться еще к одному виду конфликтов, который имеет место в стенах школы, – это повседневное взаимодействие «*ученик – учитель*». Такой вид насилия упоминался в интервью значительно реже, нежели насилие ученическое, тем не менее, представители школ упоминали об агрессии в различных формах в отношении учителя со стороны учеников:

– «Конечно, физического насилия между учащимися и педагогами нет, но бывает, опять же, не насилие, а конфликты, обиды, допустим, на учителей, например, по мнению учащегося неправильно выставлена оценка или к кому-то относятся лучше, к кому-то хуже. Вот если, например, брать подростковый возраст – они очень эмоционально реагируют и на тон голоса, и на взгляд, как учитель отнёсся, как он поставил оценку, справедливо – несправедливо, такое есть, конечно!» (директор общеобразовательной школы, мужчина, стаж работы в должности 4 года).

– «У нас в школе есть жертва насмешек. Пожилой учитель, ушел на пенсию в возрасте 80 лет, бывший военный, вел ОБЖ. Человек душевный. 9, 10 и 11-й классы понимали, что возраст преклонный, и не трогали его. А 6-е и 7-е классы... в чем заключалось насилие: они могли взять бумажку, написать слово «плох», догнать в коридоре и повесить на шею. А он то ли не заметит, то ли еще что... на уроках они могли делать все что угодно» (социальный педагог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 10 лет).

Подчеркнем, что о насилии со стороны учителя специалисты не упоминают, говоря, что если и имеет место некорректное обращение с учениками, то это зачастую результат провокации со стороны школьников: «Бывают несдержанные учителя, ситуации бывают разные в школе. Естественно, если ребенок довел до критического состояния педагога, конечно, какие-то слова высказывают. Стараемся, конечно, таких педагогов не держать, и проводим разные беседы тоже» (директор школы с углубленным

изучением отдельных предметов, женщина, стаж работы 20 лет). В качестве одной из причин возможной агрессии со стороны учеников можно считать низкий статус и авторитет учителя: «Быть авторитетом для детей учителю очень сложно. Если ты можешь являться авторитетным в какой-то предметной области, то как личность авторитетом является родитель либо сторонние киногерои и т.д. Мы хотели бы, чтобы эффективность была хотя бы 50%» (директор общеобразовательной школы, женщина, стаж работы в должности 1.5 года).

Ситуация насилия для каждого конкретного ребенка является не рядовой, нередко школьники не знают, как себя правильно повести, кого известить, где искать защиты. По словам педагогов, наиболее распространена ситуация, когда ребенок рассказывает обо всем дома, и тогда уже поступают обращения в различные инстанции (в школу, в милицию, к уполномоченному по правам ребенка, в прокуратуру): «Был такой инцидент. Мальчик из неполной семьи, мама воспитывает его одна, тяжело, мальчик трудный, вели с классным руководителем профилактическую беседу. Этот мальчик избил мальчика, который младше его. Родители потерпевшего мальчика, он приемный, а точнее, опекаемый, они, минуя школу, сразу подали участковому заявление. Участковый связался с инспектором по делам с несовершеннолетних, вызвали их на комиссию и его поставили на внутришкольный контроль». «Я, как заместитель директора, провожу с конфликтующими сторонами беседу, выявляем причины конфликта. Мы собираем детей вместе, если необходимо, связываемся с родителями, проводим беседы, какое-то время наблюдаем за ними» (социальный педагог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 4 года).

В некоторых интервью были упоминания о том, что нередко школьные конфликты приводят к ситуации насилия со стороны родителей по отношению к сотрудникам школы (*уровень «родители – педагоги»*), звучат обвинения в беспомощности педагогов, уверенность в том, что свой ребенок идеальный, а другие невоспитанные: «Была у нас одна мама, которая всех затерроризировала. Обвиняла нас в том, что испортили судьбу ребенка. Уже вплоть до того, что мы с директором были вынуждены ее припугнуть, что если она не прекратит таких проклятий в наш адрес, мы подадим заявление в милицию за оскорбление. Здраваться она перестала. Когда мальчик закончил коррекционную школу, он стал выпивать и руку на маму поднимать. И вот уже спустя много лет эта ма-

мочка вдруг стала снова здороваться» (социальный педагог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 10 лет).

В случае обращения к специалистам по правам ребенка запускается достаточно сложный механизм работы: «Как правило, в мой адрес обращаются родители, законные представители, чаще бабушки и дедушки, поскольку у них больше свободного времени, в защиту прав и законных интересов своих детей, пострадавших в школе. Возбуждаю производство по обращению, если есть нарушение прав ребенка. Провожу самостоятельное расследование с участием, если необходимо, представителей прокуратуры, ГУВД, др. органов исполнительной власти либо направляю по компетенции мотивированное обращение с просьбой провести проверку по изложенным фактам. Привлекаю внимание средств массовой информации с целью общественного контроля» (уполномоченный по правам ребенка в Нижегородской области).

Гораздо более сложной будет ситуация, когда конфликты кроются внутри семьи, то есть на уровне *«родители – дети»*. В интервью говорилось о двух типах семей. Во-первых, и представители школ, и уполномоченные по правам ребенка говорят о детях из неблагополучных семей (фактор «Внутрисемейные отношения, неполные семьи») как об особой категории в рамках темы насилия: «Конечно, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, представляют наиболее уязвимую категорию, именно они становятся как субъектами, так и объектами жестокого обращения. Особая категория – это дети провокативного типа личности, они вследствие своей «инаковости» провоцируют жестокое к себе отношение, являются раздражающим фактором даже для условно толерантных сверстников. Сошлюсь на результаты медицинских исследований: такой психотип формируется в результате нарушений резидуально-органического генеза, проще говоря, дети с родовыми травмами, органическими поражениями нервной системы. Чаще всего это гиперактивные дети» (уполномоченный по правам ребенка в Кировской области).

Такие семьи, как правило, находятся на внутришкольном учете, на детей педагоги обращают особое внимание: «Если ребенок набедрокрил, какое-то происшествие случилось, естественно, семья приглашается в школу. И, понятно, что дети брошены, родители ими не занимаются. Это и есть дети со сложной судьбой. Например, есть мальчик, его воспитывает бабушка, мама – наркоманка и лишена родительских прав. А папа, по-моему, вообще в ме-

стах не столь отдаленных» (социальный педагог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 5 лет). Дети из таких семей нередко характеризуются как «постоянные участники» конфликтов. Механизмы работы с такими учащимися в школах идентичны. Если случай не настолько серьезен, конфликт несложный, то, как правило, следует беседа на уровне классного руководителя и завуча со всеми сторонами конфликта с привлечением родителей. Большинство специалистов сходятся в том, что о каком-либо случае может упоминаться на родительском собрании, но собрание педсовета по какому-либо случаю – это скорее нераспространенная практика. При наличии в школе социального педагога и психологической службы осуществляется проработка ситуации силами этих специалистов: «Безусловно, негативные моменты есть, в первую очередь с ними сталкиваются классные руководители, которые доносят эту информацию, и мы, как служба психологическая, решаем эту проблему нашими средствами. За счет психологической работы: консультирование, встречи, беседы, анализ проблемы и тренинговые занятия. У нас есть комплекс мероприятий, которые мы проводим с классом, так как не всегда возникает потребность решения проблемы индивидуально с ребенком. Очень часто бывает так, что его, наоборот, нужно поместить в классную среду и уже вместе с классом решать эту проблему. Поэтому такие единичные случаи, которые у нас возникают, мы решаем за счет тренинговых занятий» (психолог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы в должности 2 года, педагогический стаж 15 лет).

Если же ситуация нерядовая, имеющая тяжелые последствия, то конфликт может выйти за пределы школы. В этом случае следует обращение в комиссию по делам несовершеннолетних, постановка на учет, консультации различных специалистов (психологи, врачи и прочее).

Во-вторых, помимо явно неблагополучных семей необходимо говорить о семьях с латентным неблагополучием: «Мы следим за сложными семьями, мне, как социальному педагогу, все они известны, и я их держу под контролем, а вот психологическое насилие, вы сами знаете, плохое настроение родителей часто влияет и на состояние детей!» (социальный педагог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 3 года). В этом контексте представители школ упоминают несколько форм насилия: физическое, эмоциональное, экономическое. Если говорить о физическом насилии, то педагоги не

говорят о прямой зависимости степени благополучия и рукоприкладстве. Педагоги обращают внимание, что сейчас физическое насилие становится все более распространенным вне зависимости от типа семьи и причины могут быть не самые весомые: «Сейчас бьют по любому поводу. Нетрезвые – бьют, на работе плохо – бьют. Это традиция русская. По каким-то неписаным законам родитель имеет право приложиться рукой, ремнем и т.д. В редких семьях этого не происходит» (директор общеобразовательной школы, женщина, стаж работы в должности 2 года). При этом ситуация с избиениями может оставаться тайной для сотрудников школы, о ней можно судить лишь по косвенным проявлениям: «Как правило, это взгляд учителя со стороны. Ситуация, например, такая была совсем недавно, осенью. Старшеклассница не была в школе, ее спрашивают: «Почему?». Ребенок, не стесняясь, поднимает кофту, и я вижу синяки. «Что произошло?» – спрашиваю. «Мама», – отвечает. «За что?» – «За то-то...» Непосредственных жалоб нет, но мы видим детей ежедневно, и по их поведению, по их виду, по их взглядам мы понимаем, что что-то не то. Такое редко бывает, чтобы дети приходили избитыми. Я говорю о взаимоотношениях родителей и детей» (директор общеобразовательной школы, женщина, стаж работы в должности 2 года).

Гораздо более сложную природу имеет эмоциональное насилие, которое выражается не только в повышении тона, оскорблении ребенка, неосторожных замечаниях, но и в отсутствии эмоционального контакта с родителями, игнорировании эмоциональных потребностей детей: «У родителей часто нет времени, чтобы просто поговорить с ребёнком! А им очень нужно! Видите, дети стоят за дверью? Они приходят, для того чтобы просто перекинуться 2–3 словами! Они нуждаются в этом! Забегают, чтобы я им ласковое слово сказала, а это должны делать мама и папа! А у мамы на детей времени нет, в лучшем случае накормит и денег даст на пирожок» (социальный педагог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 8 лет). «Насилие – оно же может быть в разной форме. Может быть физическим, когда ребенка бьют, а может быть моральным. Причем насилие в конкретной форме, может быть ситуация, когда в доме появляется маленький ребенок, второй ребенок, и ему уделяется основное время, а этот вроде как уже взрослый, сам по себе. И если он не выполняет определенные обязанности, то ему за это влетает» (учитель начальных классов общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 22 года). По словам

уполномоченных по правам ребенка, в общеобразовательных учреждениях преобладает этот тип насилия.

По словам уполномоченного по правам ребенка, корни насилия необходимо искать в семье, в ее социально-экономическом благополучии: «По некоторым данным, дети из семей городских сообществ с низким уровнем дохода и плохим образованием, чаще попадают в ситуацию негативного жизненного опыта (в 55% таких семей родители закончили только школу, у 48% отцов в таких семьях были функциональные поведенческие отклонения в подростковом возрасте, 29% таких семей – это неполные семьи без отца). Скученность условий проживания, низкий социальный уровень, бедность тоже являются значимыми факторами в возникновении жестокого обращения с детьми» (уполномоченный по правам ребенка в Кировской области). Учителя также отмечают агрессивную настроенность детей, чьи родители не обладают высоким материальным достатком: «Если говорить о подростковой агрессии, то здесь нельзя упускать из виду экономический кризис семьи. Родители неспособны купить что-то ребёнку, что есть у других детей, отсюда появляются зависть, озлобленность. Если ребенок, например, материально не совсем обеспечен, а может, и родители такие, что за ребенком не следят, ребенок одет не так, как другие, как-то похуже. Этого ребенка отталкивают, не хотят с ним общаться. Разница существует, от нее никуда не денешься. Есть дети из благополучных семей, а есть и из неблагополучных» (социальный педагог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 10 лет). В то же время педагоги признаются, что зачастую высокий социальный статус родителей становится причиной завышенной оценки ученика, который позволяет себе унижать одноклассников: «Дети в младших классах пользуются социальным положением своих родителей. Вот у меня папа круче, он сейчас приедет на машине» (социальный педагог общеобразовательной школы, женщина, стаж работы 1.5 года).

Комплекс таких конфликтных ситуаций провоцирует своего рода цепную реакцию: ребенок приходит расстроенный в школу, вымещая недовольство на одноклассниках или учителях, поднимает на окружающих руку. Большинство представителей школ уверены, что «всё происходящее в школе – это зеркало той жизни, которой они живут дома! Ситуация, которая складывается дома, выходит наружу» (директор школы с углубленным изучением отдельных предметов, женщина, стаж работы 20 лет).

По результатам анализа серии интервью можно сделать следующие выводы:

- Наиболее часто педагоги говорят о насилии уровня «ученик – ученик». Такое взаимодействие достаточно легко отследить. Разрешение таких конфликтов зависит от степени их сложности.

- В большинстве случаев ситуация разрешается на уровне классного руководителя. При более сложных конфликтах следует беседа с администрацией школы в присутствии родителей. Привлечение специализированных служб или вынесение вопроса на педсовет или родительское собрание не самая распространенная практика современных школ.

- Взаимодействие на этом уровне имеет возрастную (подростки), гендерную (разные формы и мотивы конфликтов у мальчиков и девочек) и национальную специфику.

- Чуть более закрыта информация о насилии на уровне «ученик – учитель», поскольку такие отношения достаточно сложно отследить. Повседневные конфликты этих двух уровней нередко становятся причинами конфликтов уровня «родитель – учитель/администрация школы».

- Педагоги уверены, что при обсуждении проблемы насилия нельзя рассматривать школу в

отрыве от семьи. В каждой школе существует особый учет явно неблагополучных семей. В таком контексте важно понимать, что существуют семьи с латентным неблагополучием, где ребенок подвергается эмоционально-психологическому или экономическому насилию.

Список литературы

1. Сизова И.Л. Социологическая теория о причинах насилия в школе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, № 6 (1), с. 374–380 [Он-лайн, доступ 3.09.13 через [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2012_6\(1\)/62.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2012_6(1)/62.pdf)].

2. Петрова И.Э., Сироткина Е.С. Актуальные проблемы социальных педагогов в образовательном учреждении // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012, № 4 (28), с. 130–135. [Он-лайн, доступ 3.09.13 через [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2012_4\(28\)/26.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2012_4(28)/26.pdf)].

3. Барабанова С.В. Социальная работа в образовательном учреждении в контексте прав ребенка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012, № 4 (28), с. 125–126. [Он-лайн, доступ 3.09.13 через [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2012_4\(28\)/24.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2012_4(28)/24.pdf)].

LEVELS OF SCHOOL VIOLENCE: EVALUATION OF TEACHERS AND REPRESENTATIVES OF THE SCHOOL ADMINISTRATION

E.A. Shinkarenko, K.V. Stepanova

The involvement of different actors in the situation of school violence is one of the most important aspects of the study on bullying in school. The levels of school violence are disclosed in the content analysis of interviews with teachers and the school administration of Nizhny Novgorod.

Keywords: school violence, teachers, students, parent.